

Нам нужны мифы,

Общая сессия - 1998 - 19-25 марта, с. 10
или Чертыхания художника Александра Токарева по поводу выставки художника Врубеля, выслушанные Катериной Волковой

Врубель поверженный. Худ. Александр Токарев

Большие юбилейные (и не очень юбилейные) выставки собираются по всему миру довольно регулярно и преследуют, как правило, три цели: дать возможность заново осмыслить творчество художника, посмотреть на него с «колокольни» сегодняшней и увидеть работы мастера в относительно полном объеме. И вот Третьяковская галерея в парадном зале, что на Крымском валу, решила порадовать нас выставкой Врубеля. Все побежали. Кассирша, когда я ей союзный билет предъявил, удивленно так спрашивает: «Что это нынче с вами, художниками, сделалось? Не успела выставка открыться, как вы валом повалили!» «Любим мы его, любим», — отвечаю и бегом по лесенке...

Теперь вот, дома, можно поразмышлять, что же случилось с художником Врубелем и с его выставкой. Кто, кого и почему обидел.

Врубель для русской культуры не просто замечательный художник. Это легенда, миф, обаяние которого в нашем сознании за целый век никто развеять не смог. Наоборот, несколько поколений усугубили его, покрыв роскошной патиной времени. Основа мифа — безумие Врубеля, болезнь, семейная и личная трагедия — отражение этих мотивов в его творчестве и темах: религиозных, ярко-романтических, лермонтовских, ницшеанских. В образе страдающего Демона зритель легко угадывает автора. Мускулистый страдалец. Тоскующий сверхчеловек.

Тайная страсть к романтизму в нас неистребима, а уж Врубель вознес это чувство на должную высоту. А какие глазищи наворачивал! Каждый глаз — с кулак величиной, слезою умасленный... Его росписи Кирилловской церкви в Киеве тоже очень «глазастые», но этой «глазастости» есть объяснение — религиозный экстаз.

Врубель впитывал и пропускаял через себя все модные веяния. А потом смешивал их, как краски. Он смешал экспрессионизм с романтизмом, добавил в этот коктейль вишенки и сироп модерна, а потом и сам не заметил, как вознесся над внешними стилистическими признаками. Вознесся в ту неведомую

даль (или глубину — как хотите), которую даже Павел Флоренский не сумел сформулировать, а сказал, что «рукою художника Бог водит».

В Третьяковке получилась странная выставка. Акценты перепутаны, смещены. Огромный Врубель вдруг превратился в карлика-оформителя. Он много работал для архитектуры, театра, делал сказочную керамику. Устроители выставки не поленились: приволокли очень милый витраж, и скульптуру, и камин из Абрамцева в стиле «модерн а-ля рус». Все это — тоже Врубель.

Довольно много разбросано по залу майолики. Замечательная была, как сейчас помню. Только что с ней приключилось? Она стала невзрачной в нелепых стеклянных ящиках. Разглядеть невозможно. Освещена отвратительно. Все обаяние, таинственность, поэзия, которой она пропитана, улетучились вдруг, как украденные. Черт возьми! Обобрали Врубеля...

На выставке отсутствуют программные работы. Может, они есть, но я их не заметил, потому что они растворились в этом огромном зале, в глухих темно-зеленых тканях, которыми обтянуты щиты. Тонкая живопись не любит насыщенных фонов. Они, как кислота, съедают ее цвет.

Мне хочется пропеть оду всем музейным работникам мира, которые с упорством пользуются точечными направленными светильниками для экспозиции живописи! Их любимое занятие — наставить пронзительный луч на глаза. Если же это женщина, надлежит высветить грудь. Не искусствоведы, а окулисты какие-то. Художник делает свой холст при ровном рассеянном свете, выверяя напряжение цвета и тона. Холст — его детище, единая структура, которую разрушать вторгающимся в него световым лучом — преступление, вандализм. Господа киллеры, помогите!

А вот в постоянную экспозицию Третьяковки я киллеров не приглашаю. Там врубелевский зал — один из лучших, и Врубель в нем совсем другой художник — великий.

Анализ творчества, идея, сценарий выставки, режиссура экспозиции — необходимые вещи. Но все и

всё упирается в деньги. На организацию нужно много денег, но это не должны быть глупо выброшенные деньги. У искусства должна быть своя экономика. Идеи рождают людей, деньги питают идею, а потом идея сполна расплачивается с тем, кто дал ей деньги.

Нынче есть две концепции. Одна: все русское искусство — великое искусство, потому что русское. Вторая, что все русское искусство по отношению к западному вторично. Я ни с теми и ни с другими. Каждый художник живет в свою эпоху, которая навязывает ему образ мысли, стиль, условия игры. Велик тот, кто сумел вырваться из пут, воспарил над модой, над стилем и позволил себе роскошь создать себя и остаться собой.

«Нужна национальная идея!..» Провозгласив это и беспомощно разведя руками, начинаем косить ошалелым глазом в сторону православной церкви: может, оттуда свалится? А она оттуда не хочет валиться, потому что не может быть на пороге XXI века одна идея на всех, одна религия на всех, один художник на всех и один Пушкин на всех.

Густав Климт для Вены, с ее роскошными музеями и коллекциями, превращен в национальный символ — символ города и эпохи. Тьма рекламной продукции сопровождается не только музеи, но и все сувенирные лавки. В книжных магазинах — альбомы, майки, календари, сумки, книги. Климт царит в Вене. Он ее герой, миф.

Нам тоже нужны мифов — хороших и разных! Устроители выставки Врубеля отделались скромным буклетиком, что опять же не соответствует масштабам и задачам выставки.

Москва — огромный туристический центр. Что безусловно из наших художественных запасов сегодня? Кто заменит Шишкина с конфетами «Мишка косопалый»? Достойных национальных художников очень много. Кустодиев, Врубель, Кандинский, Малевич, Лентулов, Малаян. Кустодиева кое-как используют, а остальных забыли.

Дайте народу Врубеля! Лентулова! Кандинского! Пусть со всех маек глядят на нас огромными печальными глазищами врубелевские герои и звенят лентуловские колокола. Все впрок: пропаганда настоящего искусства и доход, благодаря которому выставки устраивать можно. И заново разбираться, что нынче почем, черт возьми!

Дашь мифам — экономике, а экономике — мифы!

PS. Закрытие выставки, намеченное на 28 февраля, перенесено на 12 апреля. Выставка пользуется огромной популярностью. Очереди стоят предлинные. Публика с удовольствием ест безвкусный «гамбургер», в который превратилось изысканное блюдо под названием «Врубель».